

О воре Тимоне

В одной деревне жил старик. Древность его свидетельствовала лысина, с которой от долговременного ношения шапки слезли все волосы. Словом сказать, она в доме его служила ночью вместо месяца. Помощницу у себя имел он равных лет; но разнствовала она от него горбом. Однако речь у нас идет не до статей их, а до сына их Тимоши, который был малый проворный, но еще ни чему не научен, как только играть в сопелку. Старику казалось, что, послушавши музыки, напоследок захочется есть и что сопелкино свистанье худая для желудка пища; а чтоб попищавши не лечь с порожним брюхом спать, вздумал он отдать его какому-нибудь ремеслу учиться. Но прежде надлежало о том посоветовать со старухой, которой он о сем доложу, требовал ее мнения и представлял, что он желал бы его отдать из двух ремесел одному: кузнечному или портному. «Нет! — сказала старуха, — ни тому, ни другому. Кузнец хотя около огня и сажу марается, и тем больше походит на чёрта, нежели на человека. Разве хочешь ты его сделать пужалом? А портное, правда, хотя изрядное художество, но, сидя согнувши, ведь не долго, друг мой, получишь чахотку». — «Ну! Да чем уж ты думаешь учить его», — вскричал старик. «Надобно, — отвечала она, — отдать его золотарству, или малярству, или тому подобному». — «Но ведаешь ли ты, — перервал старик речь ее, — сколько надлежит заплатить за таковую науку денег? Наших животов столько не станет». И так долго споря, чуть не дошло у них до драки. Сердитая старуха уже вооружилась было кочергою. Но скучно описывать их ссору, а лучше сказать, что наконец согласились они отдать сына тому мастеру в науку, который первый попадется встречу. Итак, старик, взял с собой положенный на сыновнее научение десять рублей и провождаем Тимонею, выступил. По случаю первые с ним встретились два родных брата, питающиеся поддорожной пошлиной, а притом и искусные портные, кои толь проворно владели своими иглами, что раз стегнет, то шуба да кафтан; а просто сказать они были разбойниками. Старик, поздравя их, спросил, не художники ли они? «О! весьма искусные», — отвечали ему разбойники. «А какое ваше ремесло?» — спрашивал старик. «На что тебе?» — сказали они. «Я хочу отдать сына в науку», — говорил старик. «С радостью, — вскричали они, — мы берем на себя научить сына твоего, чему умеем сами. Ремесло наше называть тебе не для чего; но ведай, что тужить не будешь, отдав нам его в ученики». — «Но сколько вам, мои родимые, надобно за труды?» — примолвил старик. «Не менее двадцати рублей», — отвечали мастера. «Ох! Где ж мне взять столько! У меня только и денег, что десять рублей», — говорил старик. «Ну! добро, подай

хотя и те сюда. Уж не что с тобой делать! Быть так, хотя десять рублей», — сказали они. Старик, отдавши деньги, препоручил им в научение сына своего и хотел было уж домой идти; но, вспомнив, что надобно узнать, где они живут, воротился и следовал за ними. Дом их находился в превеликом лесу, где они жили с сестрою девкою. По прибытии туда с Тимони сняли худой деревенский кафтанишко и одели в хорошее платье, а старика попотчевали винцом. И так старик с большим удовольствием оставил их жилище.

По наступлении ночи удальцы вздумали показать Тимоне первый опыт своего искусства. Почему, вооружа Тимоню, как и себя, рогатиной и большим ножом, вышли на дорогу. Тут один из учителей сказал ученику: «Когда нападут на нас какие люди, что ты, Тимоня, будешь делать?» — «А это что? — отвечал он, выхватя нож, — с ним мне мало и десяти человек!» — «Ну, будет же в тебе путь, — молвили разбойники. — Но прежде лучше испытать тебя не над таким опасным делом, каковое обыкновенно бывает при требовании с проезжающих пошрины. А пойдем, залезем вблизи стоящем монастыре в архимандритову кладовую; тут будет чем нам поживиться». — «Как изволите, — сказал Тимоня, — куды мастер, туды и ученик». Итак, они отправились в чужую клеть песен петь. По прибытии в обитель закинули они железный крюк за кровлю кладовой, куды Тимоня по веревке и отправился, и первый раз доказал, что он ученик понятный. В кровле сделалась тотчас скважина; в кладовой сундуки отверзаются, мешки с деньгами восстают с ложа, лишается хозяин долголетних трудов своих, с коими собирал он и копил свои денежки; мешки спускаются из кладовой на землю, которые прибирают Тимонины учителя. Все дело шло по порядку, если б Тимоня был поглупее; он узнал, что они как учителя в деньгах не дадут ему части. Почему вытащил для себя из сундука архимандритову шубу на собольем меху. А как он ее сбросил, то один из наставников вздел оную на себя. Тимоня, спустясь, начал искать шубы по земле ощупью, ибо темно было. Учителя его спросили, чего он шарит? «Шубы своей», — отвечал он. «Какой своей! — сказал один. — Вот она на мне.» — «Да почему она тебе надлежит?» — «Потому, — отвечал он, — что я взял ее для себя, а не для вас». — «Но мы твои учителя, — говорили они, — так тебе тут ни в чем нет участи». — «О! Нет! — закричал он громко, — я для вас достал деньги: там мне части нет, а шуба моя». — «Врешь ты, дурак!» — молвили они. «А когда так, я пойду просить архимандрита; кому он отдаст, того и шуба», — сказал Тимоня. «Посмотрим, как ты пойдешь», — говорили они. «А! Вот как! Только чур не робеть», — отвечал он и побежал к окну архимандритовой кельи, у которого спал его келейник, малый забавный, и притом сказочник. Тимоха послушал: келейник еще не спал, а архимандрит храпел во всю глотку. Он стукнул в окошко; келейник, оное открывши, выглянул; но лишь хотел

спросить, кто тут, Тимоня схватил одного обеими руками за уши, выдернул вон, завязал ему платком рот и отдал под караул своим учителям, а сам, с осторожностью влезши в окно, лег на постелю келейникову. Погодя немного, начал он будить архимандрита. Учителя, стоящие под окном, услыша, что он будит архимандрита, просили его, чтоб он вышел вон. «Провались ты, — говорили они, — чёрт с тобою и с шубою! Мы беды с тобою дойдем». Но он не слушал их и кричал: «Отец архимандрит! Ваше высокопреподобие!» — «Что?» — отвечал оный томным голосом спросонья. «Я видел сон дурной, — сказал Тимоня, — будто бы воры залезли к вам в кладовую и побрали деньги. А между тем взяли и шубу вашу. Тот, который лазил красть, взял оную из сундука для себя. Деньги он отдал все товарищам, а сам желает одной только шубы, но и той ему не дают. Кому бы вы приказали оную отдать?» Архимандрит считал его за келейника своего, почему и сказал: «Ох, как ты скучен! Куды ночь, туды и сон. Пожалуй, не мешай мне спать». Тимоня, несколько помолчавши, как архимандрит стал засыпать, опять его раскликал и спросил: «Да кому ж вы шубу-то отдать велите?» — «Экой ты несносный человек, — сказал сердито архимандрит, — не кому, что тому, кто красть лазил. Но, пожалуй, дай мне покой». И так Тимоня, дав ему заснуть, вылез вон и без спору учителей своих надел шубу на себя, которые притом еще и хвалили его вымысел. Они возвратились домой, а пришед, во-первых, припрятали добычу. После чего господа учителя начали между собою разговаривать о ученике своем Тимоне. Проворство и вымыслы его крайне им понравились. Они, надеясь от него впредь большей себе помощи, чтоб удержать его при себе, вздумали отдать за него сестру свою, которая была собой недурна, о чем и Тимоне объявлено. Тимоня не упрямылся для столь выгодной женитьбы, ибо дали за нее немалое приданое. Он женился и, став их зятем, учинился уже не ученик, но товарищ.

По несколько времени сказала ему жена: «Худо нам, муж, жить с ними: они воры отъявленные. Сверх того, знаешь ты пословицу: „Сколько вору ни ликовать, а палачевых рук не миновать“, так мое желание и совет, лучше нам от них отойти. Хотя не столь богаты, но с покоем будем мы в доме отца твоего». Тимоне совет сей понравился. Он желание свое открыл шуринам своим, господам обдираловым. Хотя им слышать то было и досадно, но удержать его не могли. Они отпустили на условии, дав ему свинью, с тем, что если они в будущую ночь оную у него украдут, то с него им взять 200 рублей, если ж не украдут, то ему толикое ж число заплатить. Когда ж украдут, то бы ему не отходить от них до тех пор, как заработает на них означенное число денег. «Очень хорошо! — говорил Тимоня, — я посмотрю, как вы свинку-то у меня украдете». После чего, забрав свое, переехал с женой в дом к отцу своему.

По прибытии в дом замесил он в корыте для свиньи корм на одном вине, которая, наевшись досыта, сделалась бесчувственно пьяна. Тимоня тотчас одел оную в сарафан и положил на печи в углу, где она растянулась неподвижно, а сам лег с женой в клетки спать. Лишь только они заснули, воры искали уже по всем клевам и закутам, но, не сыскав желаемого, подошли к избе. Тут услышали они, что нечто сопит. Тотчас один из них вскочил в избу и потихоньку щупал свинью; но, ощупав сарафан, без памяти выскочил вон. «Что ты?» — спросил одного товарищ. «Эх, брат, — отвечал он, — ведь я было беду сделал! Это сопит-то старая хрычовка, сватьюшка наша: я ее хватил за бок, как не проснулась! и такая от ней вонь, что я чуть было не затхнулся. Однако стой: я знаю, что теперь делать. Пойду спрошу у сестры, она мне спросонья скажет». Он влез тихонько на клеть, прокопал крышку и, пошевелив сестру свою шестиком, сказал: «Жена! где мы свинью-то дели?» «Как ты не помнишь, — отвечала она, — что в избе положили на печь, одевши в сарафан».

Услыша сие, спрыгнул он с клетки, как бешеный, бросился в избу на печь, сволок оттуда пьяную чушку, которая беспрестанно опорожняла излишек пищи, что гораздо неприятно было для воровских носов. Однако ж они сволокли ее с двора долой и, отшед подале, связали ей ноги, продели между оных шест и помчали оную на плечах во всю рысь. Ехать на шесте ведь не в качалке: растрясло обожравшуюся свинью и учинило из ней обоюдный водомет, который без остановки орошал воров, и тем изобильнее, чем ускоряли они походом. Воры каялись, что выдумали таковой способ к возвращению Тимони в свое жилище, но, опасаясь лишиться двухсот рублей, терпели они все сие жестокое искушение и поспешали дорогою.

Тимоня после отъезда свиньи скоро проснулся, а, заспав, не вспомнил, куда он дел свинью. «Жена! Жена! — вскричал он, толкая ее под бок, — где мы свинью-то спрятали?» — «Долго ли, — сказала она, — тебе у меня о том спрашивать, ведь я сказывала тебе, что лежит на печи в сарафане». — «Когда ты мне сказывала?» — вскричал он с ужасом. «Недавно, — отвечала она, — конечно, ты заспал». — «Ну! Прощай же наша свинка! Конечно, ее спровадили», — кричал он, вскоча с постели, и побежал в избу. Но на печи вместо свиньи ощупал нечто мягкое и совсем несходствующее на приятный запах. Сие было то, что свинья оставила ему из благодарности за похмельное его потчеванье. Затряслись у Тимони подколенки, но опасность жить у воров работником принудила его, отложив бесплодное уныние, искать средств к поправлению беды. Он бросился на лошадь и поскакал догонять путешествующую свинью, что ему и удалось. Он догнал их скоро при самом входе в лес и ехал за ними потихоньку. Довольно темная ночь препятствовала вору его увидеть, которые, весьма уставши, вздумали отдохнуть, бросили с

сердцем свинью о землю и один из них сказал: «Тьфу! Пропасть какая! Уморила! Но из двухсот рублей потрудиться можно». Другой отвечал ему: «Теперь бы брат не пожалел рубля за подводу, чтоб нам эту стерву довести». Тимоха между тем привязал свою лошадь, отведши в сторону, а сам, подойдя потихоньку, зачал бренчать удилами узды, скинутой с лошади. Один из воров, услышавши, сказал: «Брат! Послушай-ка, никак спутанная лошадь ходит». Тимоха продолжал бренчать, вор уверился и без дальних околичностей бросился ловить лошадь, а другой между тем отдыхал, сидя близ свиньи. Тимоха от вора подвигался вперед, который следовал за ним, желая поймать клячу. Нечувствительно завел он его далеко, где и оставил, а сам побежал к другому. Приближаясь к нему сажень в десять, стал он кликать его, говоря: «Пособи, брат, расковать лошадь». Тот, представляя его своим братом и идучи к нему на помощь, отвечал: «Экой ты, детина! Не можешь распутать лошади». А Тимоня, будто бы не смогая удержать лошади, подвигался прочь, и как отвел его от дороги подальше, оставил он его искать своего брата, который искал попусту лошади, и бежал к свинье. Подхватя оную, сел на лошадь и увез домой, где привязал оную за ногу к стоящему посреди избы своей жернову, в круг насыпал ржи, и так свинья начала, кушая рожь и ходя кругом, молоть в жернова. Тимоня же опять отправился на постель и, ни о чем не думая, заночевал спокойно.

Между тем воры сошлись вместе. Один спрашивал, где лошадь, другой отвечал, что оные и в глаза не видал. «Как! Ведь ты меня кликал пособить распутать?» — промолвил первый. «Ты бредишь, — отвечал тот, — я и слова не говорил». — «Ну! — сказал он, — знать это Тимоха подшутил над нами! Пойдем и посмотрим, тут ли свинья». Но долго искавши, не могли найти, почему догадались, что она в провождении зятя их возвратилась обратно в дом свой, куда и они опять побежали.

Пришед на двор, подошли к избе, и один из них сказал: «Пропали, брат, наши 200 рублей! Ведь уж старая-то хрычовка проснулась; вот чу! она жернова налаживает, знать, молоть хочет. Однако побегу опять к сестре и спрошу у ней подавешнему, где свинья, может, она и не в избе». Итак, влезши по-прежнему на клеть, разбудил и спросил ее: «Жена! а где свинья?» — «Экой ты сонный, — отвечала она, — разве ты забыл, что привязана в избе к жернову». Узнав, где свинья, бросился вор в избу и, подхватя добычу, побежал с братом своим, говоря: «Нет, теперь он научил уже нас и не обманет».

В то время Тимоня опять проснулся и вскочил посмотреть свинки; но, вшед в избу, узнал, что она украдена вторично. Нечего ему было больше делать, как бежать их догонять и изыскивать опять способ к обману. Он бежал

порожняком; сверх того, поотдохнувши, был посвежее; следственно, ему не трудно было догнать усталых воров, везущих на себе свинью. Он шел за ними полегоньку до самого леса.

По приходе во оный сказал один вор своему товарищу, чтоб тут отдохнуть. Но другой отвечал: «Нет, брат, тут Тимоня, догнавши нас, опять как-нибудь обманет; а перешед лес, помнишь ли, что близ дороги пустая изба, там мы можем отдохнуть без опасности». В чем они и согласились.

Услышав сие, Тимоня бросился стороною вперед и, вымаравши лицо свое грязью, прибежал в избу и сел в развалившуюся печь, прибрав в руки по кирпичу. Недолго дожидаясь он их тут: пришедши в избу, бросили они свинью на пол. «Ну! брат, — сказал один, — теперь почти дело сделано. Дай-ко выкурим по трубке табаку». — «Изрядно», — отвечал другой, вынимая огниво, но, долго рубя, не мог трут зажечь. «Экая беда, — сказал он, — трут отсырел, как я по росе в лесу за пострелом-та Тимонькою гонялся». — «А ты поди к устью печному, может быть, к саже прилипнет искра», — говорил другой. Тот подошел к печи и начал опять рубить. Между тем Тимоня, выглядывая на него, щелкал зубами. Вор, услышав, что нечто пред ним щелкает, начал пуще рубить и при освечивании огня поглядывал в печь. Тут присел он со страха на землю, увидя Тимонино личико; он счел его за чёрта, и от ужаса не мог больше произнести, как только прерывающимся голосом: «Ах! ... братец ... чёрт!» Тогда Тимоня, застучав на печи, пустил кирпичный перун в другого вора, который бросился было в двери, но, ударившись лбом о притолоку, растянулся без чувств. Тимоня, схватя у одного из них дубину, начал потчевать оною шурьев своих толь исправно, что они скоро пришли в память и обратились в бегство. Трясущиеся от ужаса ноги их принуждали неоднократно спотыкаться, а Тимоня провождал их кирпичною пальбою. Прогнавши оных, взяв свинью, понес домой, куды прибыл уже на рассвете.

Воры едва отдохнули, как первый разговор их обратился до заклада с зятем их. «Ну! — говорили они, — теперь свинью-то хоть чёрт съест, но Тимоне она не достанется, и мы возьмем его опять к себе жить». Потом пошли они прямо в дом к нему, для того что уже рассветало; но, пришедши, узнали, что заклад проиграли, и что не чёрт был в пустой избе, а зять их. «Экой ты плут, — сказали они, — ведь мы было померли со страху». — «Что ж делать, братцы, — отвечал он, — вам хотелось взять с меня двести рублей, а теперь вы мне оные заплатите». Наконец, взял он с них деньги и начал жить добропорядочно.